

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Мышление и язык. Язык жестов и сигналов. Опыт и знания. Естественные знания. Токсикология. Анатомия. Медицина. Счет и число. Воспитание и «школа». Возникновение религии. Анимизм. Магия. Колдуны и шаманы. Тотемизм. Культ природы. Фетишизм. Духи. Культ предков. Происхождение искусства. Изобразительные искусства. Музыка, танец, драма. Церемонии и празднества. Украшения. Фольклор. Пиктография.

Французский психолог Леви-Брюль, нагромоздив кучи неразборчиво набранного этнографического материала, выставил «теорию», по которой мышление первобытного человека, как и современных отсталых племен, якобы насквозь фантастично и мистично, а потому «дологично». «Теория» эта антинаучна. К тому же, прямо противопоставляя мышление отсталых, «некультурных» людей, как качественно отличное мышлению цивилизованного человека, эта «теория» льет воду на мельницу расизма и захватнического империализма.

Как нам пришлось уже говорить, мышление, вместе с языком, возникает и развивается в непосредственной связи с ведущимся в коллективе трудом. Оно является продуктом наблюдения и опыта, как бы ограничены они первоначально ни были, выражением определенных выводов, представлений и понятий. Таким образом, мышление в основе своей совершенно конкретно и вполне логично. Без такого логического мышления не могло быть создано уже шельское каменное рубило, ибо оно возникло не в результате какой-либо случайности и вряд ли на основе какой-либо «дологической» фантазии или мистики. Без строго логического мышления не могла развиваться та богатая и разнообразная первобытная материальная и общественная культура, с которой мы теперь знакомы.

Труд в коллективе, наблюдение, опыт, сознание, мысль, понятия, язык, знания — все это в неразрывной взаимосвязи и обусловленности составляет звенья единой цепи, все это — элементы разума человека, отличающие его от животного, сделавшие человека победителем природы. Все это явилось основой победоносного прогресса культуры.

Первобытного человека, или «дикаря», называют невежественным, но в такой абсолютной форме это утверждение в достаточной мере само невежественно. Не приходится говорить, что и мышление, и язык, и понятия, и знания первобытного человека, как и современных отсталых племен, ограничены. Но все это обусловлено уровнем развития производительных сил.

С развитием мышления, с накоплением в процессе труда наблюдения и опыта, создающих все новые и новые представления и понятия, развивается и язык. Возникают новые слова, обогащается их семантика, т. е. их смысловое содержание, развиваются их грамматические формы.

Непосредственная связь мышления и языка с наблюдением и опытом наглядно демонстрируется характерной особенностью примитивных языков — их конкретностью. Это выражается в относительном богатстве языка конкретными определениями и названиями и крайней бедности обобщающими понятиями. Такая конкретность мышления и языка свойственна всем современным отсталым племенам. В языке какого-либо племени могут существовать особые названия для всех различных пород деревьев, растущих в данной местности, наряду с тем не имеется слова «деревья». Точно так же имеются названия различных видов животных, но не существует слова «животное». Само собой разумеется, что набор слов и весь словарный запас языка данного племени всецело определяется его производительной деятельностью. Поэтому, например, у земледельческих племен североамериканских индейцев, у которых такое крупное хозяйственное значение имеет разведение маиса, существует до 8—10 слов, обозначающих это растение в различных стадиях его созревания.

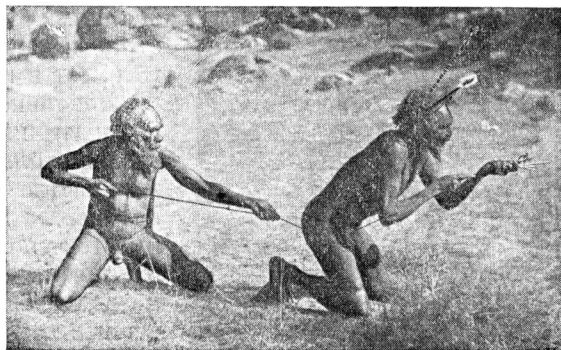
Другая характерная черта примитивных языков — их однословность: фразы состоят из очень небольшого числа слов. С развитием языка развивается и эта его сторона, развиваются формы связанной речи — синтаксис. Параллельно с развитием разговорного языка развивается все же и та первобытная форма речи, о которой мы упоминали, — язык жестов. Он служит преимущественно для сношений между говорящими на разных языках или диалектах племенами, иногда, при особых обстоятельствах, и для обмена мыслями в среде данной группы. Язык жестов в свою очередь достигает значительного богатства и выразительности. Многие современные племена отлично понимают друг друга на этом языке.

Существует в современном этнографическом мире еще один способ передачи мысли, играющий очень большую роль. Это — *язык сигналов*, передача мысли или сообщение при помощи конкретных знаков. Австралийцы, когда покидают стоянку, делают ногой черту в песке и в конце черты втыкают веточку. Направление черты и ее длина указывают, в каком направлении и на какое расстояние ушла данная группа. Делается это для запоздавших членов своей группы, а также для могущих явиться гостей. Язык сигналов распространен у всех современных племен и народностей и в особенности развит у североамериканских индейцев и негров. Трудно исчерпать все разнообразие его форм и случаев применения. Сюда относятся различные способы обозначения пути: загнутые или сломанные ветки, особо положенные камни, указания на охотничью добычу, предупреждения о появлении врагов или об иной опасности и пр.

Замечательной выразительности достигают сигналы, передаваемые на расстояние. Сигналы эти состоят иногда из определенного числа выкриков, чаще всего из искусственных звуков, например, ударов барабана, делаются они и при помощи огня или дыма костра и т. д. В степных местностях развиваются видимые огневые или дымовые сигналы, в лесистых — слышимые, звуковые. Дымовые сигналы, практикуемые, например, неграми, передают иногда на очень большие расстояния, путем прерывающегося пускания разных количеств дыма, довольно сложные сообщения. У степных индейцев были хорошо разработаны способы сигнализирования различными движениями одиночных людей или целых групп, к чему присоединялось размахивание одеялами.

К языку знаков или сигналов можно отнести и *язык символов* — передачу определенных предметов в качестве знака выражения мыслей или чувств, — прием широко распространенный, в частности, в любовных делах и развивающийся в символический подарок. Особую категорию составляют посылочные сигналы — извещения о каком-либо происшествии или иные какие-либо сообщения. Так, посылка веревочки с одним или

несколькими узелками означает приглашение притти, причем число узелков обозначает, насколько это приглашение срочно. Широко распространены траурные сигналы—сообщения в форме, например, посылки родным пряди волос умершего, наверченной на тонкую палочку и завернутой в древесный лист. Язык сигналов сыграл немаловажную культурно-историческую роль, имел, в частности, очень большое оборонное и военное значение.

Австралийцы. Магический прием с костью

Раз вооружившись мышлением и словесной речью, равно как и иными способами обмена мыслью в коллективе, накапливая наблюдения и опыт, научаясь разграничивать и связывать причины и следствия, делать выводы, развивая логические способности своего ума, не чуждый в дальнейшем и прямого эксперимента, человек создает себе все умножающийся запас знаний.

Показать, как развиваются знания первобытного человека, было бы заманчивой и благодарной задачей. К сожалению, тема эта остается мало исследованной, и мы можем дать на основе этнографических данных только небольшой обзор некоторых знаний, создавшихся в первобытном обществе. Мы увидим при этом, что знания эти, будучи целиком обусловлены уровнем развития производительных сил, находясь в непосредственной зависимости от характера трудовой деятельности человека, от его трудового опыта, являясь в значительной мере выражением потребностей человека на данной стадии и в данных условиях его развития, — конечно, ограничены, но все же далеко не бедны, а иногда по-своему весьма богаты. Трудно, даже по имеющемуся материалу, исчерпать перечень тех знаний, которые были накоплены первобытным человеком во всех отраслях его деятельности. Изготовление орудий и оружия, собирательство, охота, рыболовство, земледелие и скотоводство — все это развивалось не стихийно и не случайно, а на основе громадного накопления знаний.

Условия жизни первобытного человека повелительным образом приводят его раньше всего к основательному знакомству со своей родиной, своей кормовой областью и окружающей природой. Это примитивное родиноведение стоит у всех современных племен и народностей весьма высоко. Каждое маленькое местечко, каждый ручеек, холм, особенности каждой местности, какая-нибудь скала — все имеет особое название. Географические познания выходят иногда и очень далеко за пределы племенной территории. Замечательной иллюстрацией этого может служить способность быстро набрасывать то, что можно назвать маршрутной картой. При случае такие карты рисуются на песке, но нередко создаются и более постоянные карты, нанесенные на кору или кожу. Своего рода произведения картографического искусства представляют собой рельефные карты из дерева у эскимосов. Благодаря большой точности, соблюдению масштаба, обозначению отличительных признаков местности и пр., — эта примитивная картография не раз служила большой службой путешественникам, проникавшим в те места, которые оставались еще белыми пятнами на европейских картах.

Превосходны познания даже самых отсталых племен в области окружающей их флоры и фауны. Уже австралийцы обладают основательными

Меланезия. Воздушное погребение

знаниями ботаники и зоологии своей страны: каждый вид растения и животного имеет в их языке особое название.

Довольно основательны познания и по анатомии, преимущественно по костяку, и столь же широко, но своеобразно знакомство с внутренними органами, для которых, например у меланезийцев, имеется полный набор названий. Зато знания по физиологии более чем бедны и представления в этой области обычно совершенно фантастичны. О начальном непонимании связи между половым актом и рождением ребенка уже говорилось.

Можно написать целую книгу о примитивной медицине. Отсюда ведет свое начало современная медицина, в которой преобладающую основу терапии и фармакологии составляет идущая из первобытности так называемая народная медицина. В особенности широко развито знакомство с лечебными свойствами растений. Между прочим, и куренье табака считалось у индейцев лечебным средством. Далек не чужды все племена и народности своей хирургии, вплоть до ампутации.

Вряд ли можно сказать что-либо похвальное о санитарии у отсталых племен и народностей, хотя и они не чужды некоторым разумных и целесообразных правил в этой области. Но далеко не лишен этнографический мир заботы о личной гигиене. Правда, существуют некоторые весьма отсталые племена, например кубу, которые страдают необъяснимой водобоязнью и никогда не моются. Но если только имеется к тому возможность, все отсталые, по общему правилу, очень часто купаются, иногда по нескольку раз в день. К первобытности относится и изобретение бани. Особенно распространена была баня у североамериканских индейцев. Баня имела в каждом селении, и у некоторых племен было принято посещать ее почти ежедневно. Она представляла собой либо небольшую пещеру, вырытую в склоне холма, либо маленькую хижину из прутьев, крытую шкурами. Это была паровая баня: сюда накладывались раскаленные камни, вход закрывался и камни обливались холодной водой. Выйдя из такой бани, индеец часто прямо бросался в реку, а затем, сидя нагишом, с наслаждением покуривал трубку. Описанная паровая баня вмещала двух-трех человек. Но нередко индейское селение имело и более обширную, прочную баню-землянку, отапливаемую печью. Столь же архаичны, как баня и купанье, веник и мочалка из травы.

К далекой первобытности относится и возникновение врачебного сословия. Не следует думать, что так называемые знахари у отсталых племен и народностей применяют только колдовские приемы, заговоры и пр. Помимо этих способов лечения, представляющих собой некую психотерапию, знахари пользуются всем арсеналом примитивной конкретной медицины, и некоторые их предписания бывают вполне целесообразны.

Вряд ли что-либо хорошее можно сказать об уходе у отсталых племен и народностей за роженицей и новорожденным. Здесь — главная причина очень большой детской смертности. Кормление грудью продолжается до двух и более лет. Не редкость, что дают грудь ребенку и четырех-пяти лет, если он болен, чего-нибудь испугался.

Замечательной иллюстрацией первобытного накопления знаний может

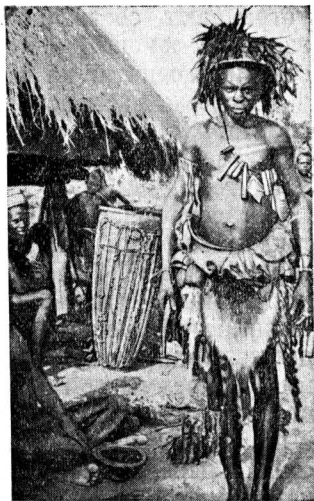

служить знакомство многих племен и народностей с ядами. Яды употребляются иногда для усыпления рыбы, преимущественно же для отравления стрел. Как известно, существующие в природе минеральные и органические яды чрезвычайно многочисленны по видам и крайне разнообразны по своему действию. И вот, специальными исследованиями установлено, что для отравления стрел употребляется лишь очень немного видов яда, причем именно те, которые обладают наиболее сильным токсическим свойством и действуют преимущественно на сердце. Какое, следовательно, колоссальное накопление опыта потребовалось для того, чтобы создать этот замечательный отбор, чтобы выработать эту первобытную токсикологию. Изучение ядов сыграло известную роль и в первобытной кулинарии. Произрастающая в Южной Америке тапиока сама по себе ядовита. Но женщины отсталых южноамериканских племен научились ее обезвреживать и сделали своей обычной пищей.

Более чем ограниченным остается математическое развитие отсталых племен, неизменно приводимое в качестве свидетельства их «дикости». Но здесь мы еще раз встречаемся с прямой зависимостью знаний от уровня развития производительных сил и от потребности. Поэтому у наиболее отсталых племен, которым попросту нечего, да и незачем считать, счет и число, естественно, находятся в самом зачаточном состоянии. Эти племена часто умеют считать только до трех, все свыше этого обозначается словом «много». Если счет несколько больше развит, то «четыре» выражается так: два и два, «пять»—два и два и один. Андаманцы и ряд других отсталых племен умеют считать до десяти, все свыше того обозначается словами «много» и «очень много». При этом операция счета всегда составляет для них очень утомительное занятие. Если сложение бывает доступно, то вычитание, умножение и деление составляют уже высокие формы счета. Характерную черту примитивных чисел составляет то, что они заимствованы от тех данных природой конкретных множественностей, которые наиболее привычны первобытному человеку. Так, число «два» на языках многих отсталых означает не что иное, как две половины одного целого. Таково происхождение и латинского *duo* от глагола *divido*, «разделяю». В других языках число «два» выражается тем же словом, которое обозначает «руки» или «ноги». «Пять» в очень многих языках означает не что иное, как «рука». Ведь тот же смысл звучит и в русском «пять», столь близком словам «пядь», «запястье». При таких условиях выражение «рука и ноги» означает «семь».

Числа представляют еще одно свидетельство первобытной конкретности понятий и мышления. Чисто конкретный характер имеет и самая операция счета. Счет не отделяется от сосчитываемых предметов и ведется путем дотрагивания до них или их перекладывания. Андаманцы считают, дотрагиваясь до своего носа и произнося: «еще этот». Более высокой формой, хорошо знакомой и нам, является счет по пальцам, палочкам и т. д. Уже очень рано возникают и различные примитивные способы изображения числа в виде зарубок, биров, узелков и пр.

Для нас, культурных людей, накопление и распространение знаний непосредственно связано с воспитанием и школой. В весьма своеобразном, конечно, виде то и другое существует и у отсталых племен и народностей.

Негрский колдун

Воспитание в этнографическом мире характеризуется двумя основными чертами. Оно имеет общественный характер и вместе с тем оставляет весьма значительное место самостоятельности ребенка. Не приходится говорить о том, что мать является первой воспитательницей детей в их раннем возрасте. Наряду с ней старшие сестры ребенка и все старшие женщины следят за детьми, при случае маленьким дают грудь. Если ребенок проголодался, он обращается как к матери, так и к любой женщине из своей родни. Когда ребенок подрастет, воспитателями девочек являются женщины, мальчиков — мужчины, при матриархате — братья матери, при патриархате — отец и его братья. Воспитание, с одной стороны, имеет очень мягкий характер, и отсталые племена и народности почти никогда детей не бьют, с другой стороны, как сейчас увидим, оно принимает и очень суровые формы.

С необычайно раннего возраста дети, в особенности мальчики, становятся в значительной мере самостоятельными. Уже с 3—4 лет мальчики большую часть времени проводят со своими сверстниками, начинают по-своему охотиться, ставят западни на птиц, умеют уже управлять лодкой и т. д. В 6—8 лет они часто живут почти совершенно самостоятельно, нередко в отдельной хижине, ведут более сложную охоту, ловят рыбу и пр. В охоте дети проявляют замечательную выдержку и изобретательность. Вот два примера охоты маленьких негров Конго. Лежа на спине они держат на ладони вытянутой руки немного зерен и часами терпеливо ждут, пока птица не прилетит поклевать, чтобы в тот же момент зажать ее в руке. Другой пример. К ветке дерева, на котором имеют обыкновение резвиться обезьяны, привязывается веревка, конец которой держит один из притаившихся внизу мальчиков. Уловив момент, когда обезьяна соберется прыгнуть на привязанную ветку, мальчик отдергивает ее вниз и обезьяна плашмя падает на землю, где ее добивают юные охотники.

Австралийцы.
Мумия

Как и у нас, большое воспитательное значение имеют детские игры, причем старшие дети обучают младших. Мальчики играют в охоту, в войну, устраивают состязания. Девочки играют в куклы, в кухню. Игры взрослых юношей и молодых людей имеют более серьезный, преимущественно военный характер.

Широко распространены в этнографическом мире различные виды спорта. Одна эта тема заслуживала бы отдельной главы. В свою очередь все виды спорта имеют главным образом охотничий или военный характер.

Этнографический мир знает и то, что можно назвать школой. Это — так называемая *инициация* (латинск. *initiatio*, «посвящение», вернее, «приобщение»). С наступлением половой зрелости и на протяжении иногда нескольких лет мальчики и девочки проходят целый цикл обучения и испытаний, выражающийся в различных процедурах и церемониях, имеющих целью, с одной стороны, преподать молодым людям все те знания, которые им необходимы при переходе в число взрослых членов племени, с другой стороны, испытать их в трудовых навыках, умение бороться с опасностями и пр. Ряд мер направлен к тому, чтобы закалить испытуемых и научить их стойко переносить не только неудачи, но и страдания. Сюда относится нанесение испытуемым различного рода увечий, выбивание зубов, нанесение рубцов на тело и пр. Сюда же относится и распространенное у от-

сталых племен обрезание. Инициации обычно более развиты в отношении мальчиков, чем девочек, что отражает преобладание патриархального начала. Играя значительную роль у более отсталых племен, инициации в дальнейшем развитии общества сменяются другими формами коллективного воспитания — союзами молодежи, так называемыми мужскими домами или «клубами холостяков» и пр.

Общими условиями первобытного воспитания и той самостоятельностью, под знаком которой преимущественно протекает детство, следует объяснить замечательную способность к быстрому развитию и особую одаренность, которые проявляют дети отсталых племен и народностей при обучении в колониальных школах. Скачок из первобытности в цивилизацию оказывается для них необычайно легким. Дети быстро осваиваются со школой и делают замечательные успехи. Так, дети крайне отсталого племени индейцев Южной Америки, бакаири, отцы которых не умеют считать дальше трех, да и то обязательно осязая сосчитываемые предметы, попав в колониальную школу, учатся по всем предметам, в том числе и по арифметике, не хуже своих товарищей — европейцев. За отдельными исключениями, не ниже европейцев шли в школе и маленькие тасманийцы.

Говоря о бакаири и тасманийцах, мы не думаем их отождествлять с первобытным человечеством. Разум и умственные способности человека развиваются с развитием производительных сил. Таким образом, бакаири и тасманийцы, имеющие за собой тысячелетия своей истории, стоят в этом отношении все же выше находившихся на соответствующей ступени первобытных людей. Приведенные факты, однако, говорят о том, что умственным способностям человека присуща вообще говоря неограниченная возможность развития, и говорить об идущей еще из первобытности и связанной с расовыми различиями якобы «органической» отсталости и умственной неспособности отдельных человеческих групп может только реакционная лженаука. Отсталость и прогресс не обусловлены «органически», а всецело зависят от развития производительных сил в конкретных исторических условиях.

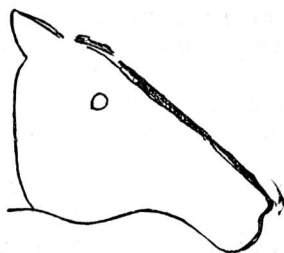
Мы далеко не исчерпали темы о тех знаниях, которые, как можно судить по этнографическим данным, должны были сложиться в первобытную эпоху. Но с древнейшей поры существования человека знанию сопутствует и с ним соперничает вера, *религия*.

Источником и основой религии является низкий уровень развития производительных сил или, как это выразил Ленин, — «бессилие дикаря в борьбе с природой»¹. Бессилие, т. е. недостаток как материальных сил, находящихся в распоряжении человека, так и сил самого человека, его духовных сил, его знаний. Знание—сила; знание дает возможность покорять природу. Незнание—бессилие; оно заставляет подчиняться природе.

Каковы бы ни были знания, накапливаемые первобытным человеком, наряду с ними для него оставалась, конечно, обширнейшая область незнания. Между тем, явления из этой области незнания имели существенное значение для жизни человека, в свою очередь требовали знания. И вот, первобытный человек стремится заполнить этот пробел, восполнить здесь

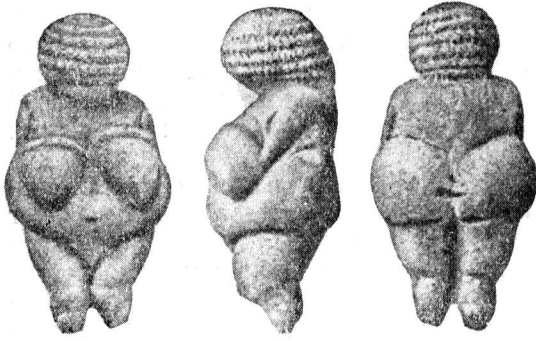

Ориньяко-солютрейская культура.
Рисунок на стене пещеры

Ориньякская культура.
Рисунок на камне

¹ Ленин, Соч., т. VIII, стр. 419.

«Виллендорфская Венера»

Маркс в одной из своих самых ранних работ с гениальной простотой дал исчерпывающее определение религии как «*превратного мирознания*»¹. Точно так же и Энгельс в ряде высказываний говорит о возникновении религии из самых темных, первобытных, неправильных, ложных представлений человека о своей собственной и внешней природе, о религии как фантастическом отражении в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни.

Итак, основываясь в конечном счете на низком уровне развития производительных сил, на малоразвитости труда, на бессилии человека, религия имеет своим источником, а вместе с тем своей сущностью незнание, а отсюда — превратные представления. Религия есть незнание, есть бессилие человека. Чем больше развиты производительные силы, чем больше развит труд, чем больше развито знание, тем меньше остается места для человеческого бессилия, для религии.

Как нам уже известно, в начальном, стадном периоде своей истории человечество остается безрелигиозным. Религия возникает лишь на том этапе развития производительных сил и развития общества, который знаменуется возникновением родового строя. К этому моменту складывается у первобытного человека какой-то примитивный комплекс представлений о неразгаданных им тайнах мира, представлений, которые оказываются ошибочными, превратными и фантастическими.

Основная ошибка или основное заблуждение первобытного человека в его представлениях о себе самом и окружающей его природе заключается в том, что человек не отделяет себя от природы, отождествляет себя с явлениями и силами природы. Отсюда, наблюдая ряд явлений, человек приписывает и себе возможность вызывать или производить те же явления, с другой стороны, приписывает силам и предметам, тем предметам, которые мы называем неодушевленными, способности и возможности, присущие только человеку, вообще наделяет природу такой же жизнью, какой живет он сам.

Этот комплекс первобытных представлений получил название *анимизма* (от латинск. *anima*, «душа»). Термин этот, введенный в науку английским ученым Эдуардом Тейлором, не вполне удачен, и тот смысл, который Тейлор придавал данному термину, оказался в свете вновь собранного материала весьма ограниченным. Дело в том, что в начальной стадии развития религии особого представления о душе не существует и сущность раннего религиозного сознания сводится к общему, в значительной мере неотчетливому представлению о тождестве человека с природой и оживленности последней.

свое бессилие, пытается найти объяснение тем явлениям, которые выходят из круга его положительного опыта, создать и здесь какие-либо понятия и представления. Так создает он себе длинный ряд неправильных, превратных представлений, представлений, которые мы назовем фантастическими.

Эти неправильные, превратные, фантастические представления и составили область веры, область религии.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. I, стр. 385.

Одну из форм, в которых выражается это общее представление, и вместе с тем одну из самых ранних форм религии составляет сложное явление, получившее название *тотемизма* (от алгонкинского слова *totem*, «его род»). Тотемизм — это убеждение в существовании связи человека с каким-либо животным (это — преимущественно) или растением, иногда — неодушевленным предметом, либо даже явлением природы. Повидимому, начальным и наиболее распространенным элементом тотемизма является представление, по которому все члены данной родовой группы происходят от определенного животного, растения и пр., их тотема. Тотемизм возникает вместе с возникновением родового общества, и тотем является необходимой принадлежностью рода. Мы имеем, таким образом, объяснение тех названий родов у сенека-ирокезов, которые были приведены выше. Из того представления, по которому род происходит от определенного тотема, вытекает другое представление — о родстве всех живущих членов рода со всеми существующими представителями данного тотема. Если австралиец принадлежит к тотему кенгуру, то он так и говорит о кенгуру: «это — мой брат» или «моя плоть». Когда колонисты в Австралии убивали тотемное животное, люди данного рода говорили: «Зачем вы убили этого человека, это — наш брат». Тотемизм определяет и ряд иных представлений: причиной рождения ребенка считается вселение в тело женщины тотема, смерть объясняется как обращение в своего родового тотема. В начальной фазе тотемизм предписывает не убивать и не употреблять в пищу животное или растение — тотема. В дальнейшем это предписание изживается, запрещенной в пищу остается, например, только часть животного — голова, печень. Убивая тотемное животное, просят у него прощения или стремятся снять с себя вину. Так, в эпоху колонизации Сибири эвенки (тунгусы), убив медведя, говорили ему: «Не сердись на нас, это убили тебя не мы, а русские». Когда запрещение употреблять тотем в пищу изживается, тотемизм связывается с особыми церемониями, имеющими целью содействовать размножению данного тотема.

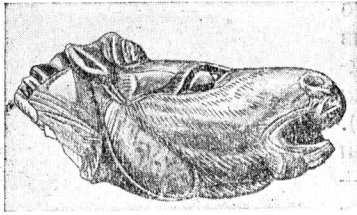
Наряду с тотемизмом, другой формой выражения первобытной религии является *магия*. Магия представляет собой превратное, ложное убеждение в существовании и возможности невидимых связей и влияний в природе вообще, в возможности невидимых влияний природы в ее отдельных проявлениях на людей и обратно — людей на природу, наконец, таких же влияний одного человека на другого. Отсюда самые разнообразные фантастические представления о связи отдельных предметов и явлений, о причинах явлений, о сверхъестественных силах и т. д. Отсюда же и убеждение первобытного человека в возможности воздействовать на природу и на других людей по своей воле и в желаемом направлении, лишь бы для этого были применены соответствующие приемы или средства. Так развивается магия в узком смысле, или колдовство. В поисках надлежащих средств человек идет преимущественно путем своеобразной аналогии. Чтобы вызвать дождь, разбрызгивают воду. Чтобы умножить урожай, женщины распускают свои волосы. Хорошим магическим средством может служить и «настоящее» слово. Отсюда магия слов: заклинания, наговоры, впоследствии — молитва.

Магические, или колдовские, действия предпринимаются как для дости-

Ориньяко-солютрейская культура. Рельеф на скале

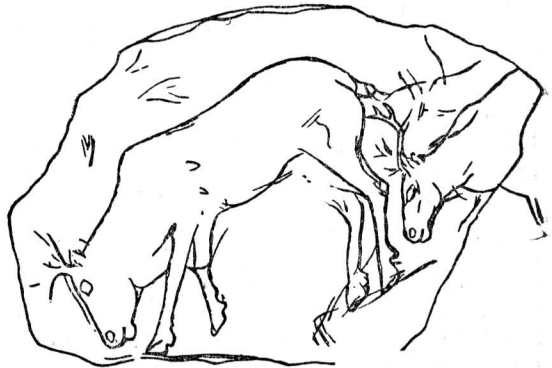

Мадлен. Скульптура из рога

никогда не бросают своих волос или ногтей, а либо сохраняют, делая, например, из волос браслеты, пояса и пр., либо тщательно прячут, закапывают. Достаточно вонзить копьё в след, оставленный недругом, чтобы причинить ему вред. Убеждение в магических силах даёт первобытному человеку объяснение тех явлений, подлинные причины которых ему неизвестны. Таково объяснение болезней и смерти. Это всегда — результат козней врага. Особо развивается магия для охраны от опасностей. Если возможно магическое воздействие, то возможно и тем же путем достигаемое противодействие. Отсюда приносящие удачу охраняющие амулеты, талисманы и пр. Убеждение в магической связи вещей и явлений выражается в образовании примет — хороших и дурных. Отдельные предметы или отдельные действия, вообще или при известных обстоятельствах, объявляются вредоносными или опасными, прикосновение к этим предметам или совершение этих действий — запрещенным. Развивается и прочно входит в религию целая система запрещений — *табу* (полинезийское слово, означающее «нельзя»), вырастающее в развитой религии в понятие «нечистого» — «священного» и «греха».

Описанные формы религии не остаются, конечно, без движения в процессе развития первобытного общества. Тотемизм постепенно отмирает, превращаясь и сливаясь с другими, вновь возникающими формами религии. Магия тоже видоизменяется, однако скорее развивается, оставаясь на всем протяжении истории религии существеннейшим ее элементом.

Первоначально первобытный человек совершенно убежден в действительности магии и непоколебим в своем самоуверенном незнании. Все представляется ему ясным и объяснимым в этом магическом плане. Столь же непоколебимо верит он в действительность колдовских приемов. Среди особо отсталых племен бывали случаи, что человек, узнав о магических кознях против него своего врага, доводил себя путем самовнушения до смерти. Однако с ростом производительных сил, с развитием опыта и расширением знаний человек накапливает достаточное число убедительных примеров того, что во многих случаях колдовство не достигает цели. Чем меньше развито знание, тем меньше человек сознает свое незнание. Ведь сознание своего незнания есть тоже знание. С ростом знаний и появляется это сознание своего незнания, к фактическому бессилию присоединяется сознание своего бессилия. Все же, продолжая оставаться во власти превратных, фантастических представлений, человек пытается победить

Мадлен. Рисунок на камне

природу, пытается найти новые, более действительные средства и приемы магии. Отсюда — дальнейшее развитие колдовства.

Первоначально первобытный человек, оставаясь уверенным в себе, в своих «знаниях» и возможностях, сам производит колдовские действия. Так, у австралийцев магические процедуры считаются доступными всем. Но с того момента, как человек начинает осознавать свои неудачи, ограниченность своих магических возможностей, параллельно с поисками новых, более «верных» магических путей и средств, выделяются особые лица, якобы «знающие» эти средства и якобы находящиеся в особых отношениях, в особой близости с надлежащими невидимыми силами. Возникают своего рода специалисты — колдуны. Колдуны играли громадную роль в практике первобытной религии и занимали влиятельнейшее место в первобытном обществе. С течением времени они образуют особое сословие, вырастают в иерархию слабых и сильных, учеников и учителей. Профессия колдуна передается по наследству. Развитым видом колдунов являются шаманы, орудовавшие в прошлом у народностей Сибири.

Не следует только представлять себе дело так, будто колдуны — это только обманщики или психически больные, одержимые и пр. Помимо того, что они проходят определенную «школу», колдуны большей частью — люди молодые, обладающие жизненным опытом и знаниями, усвоившие не мало наблюдений над природой, знающие приметы и т. д. Все это дает им известную реальную основу для своей практики. Так, колдуны североамериканского племени оджибве основательно изучают условия охоты в своей местности, поведение зверя и пр. и всегда собирают соответствующие сведения от возвращающихся охотников. Благодаря этому колдуны оджибве, облекая свою практику в соответствующую магическую форму, дают обращающимся к ним охотникам и чисто практические указания. Характерно, что колдуны большей частью совмещают в своем лице и профессию знахарей, точно также требующую известной доли положительных знаний. И все же, оставаясь ограниченными в своих возможностях, веря сами

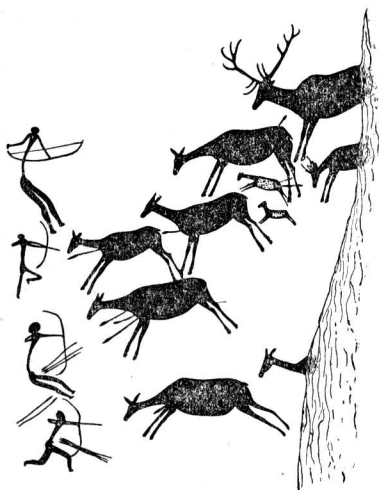
Мадлен. Рисунок на камне

Мадлен. Рисунок на стене пещеры

Мадлен. Рисунок на скале.
Бизон со стрелами

Капсийская культура.
Вост. Испания. Рисунок на скале

Мадлен. Рисунок на камне

В силу магии, колдуны неизменно сопровождают свои действия нелепо-магическими процедурами, играющими всегда преобладающую роль. Наконец, все более входя в роль профессионалов, делая свою профессию источ-

ником доходов, колдуны все дальше идут по пути сознательного надувательства своей клиентуры и становятся паразитами своего общества.

Трудовая и хозяйственная практика первобытного человека в его зависимости от природы уже очень рано обуславливает то, что его общее представление о природе и ее силах приобретает дуалистический характер. У первобытного человека возникает представление о полезных и вредных, благоприятных и неблагоприятных, добрых и злых силах, а равно о том, что определенные силы могут быть и благодетельными и вредоносными. Эти представления развиваются в особенности в связи с появлением у первобытного человека сознания своего в известных случаях бессилия и в особенности по отношению к тем силам, которые имеют наиболее важное значение в жизни и хозяйственной деятельности человека. Человеку, как и всякому животному, биологически присущ страх, представляющий собой в основе чисто физиологический рефлекс на всякое явление, сигнализирующее человеку о могущей угрожать ему опасности. Вновь возникшее сознание своего бессилия в борьбе с опасностями создает в человеке благодарную психофизическую почву для специального развития уже более стойкого страха, в особенности перед теми силами и явлениями природы, которые имеют для человека наибольшее хозяйственное значение, а вместе с тем наиболее неожиданным и бурным образом себя проявляют.

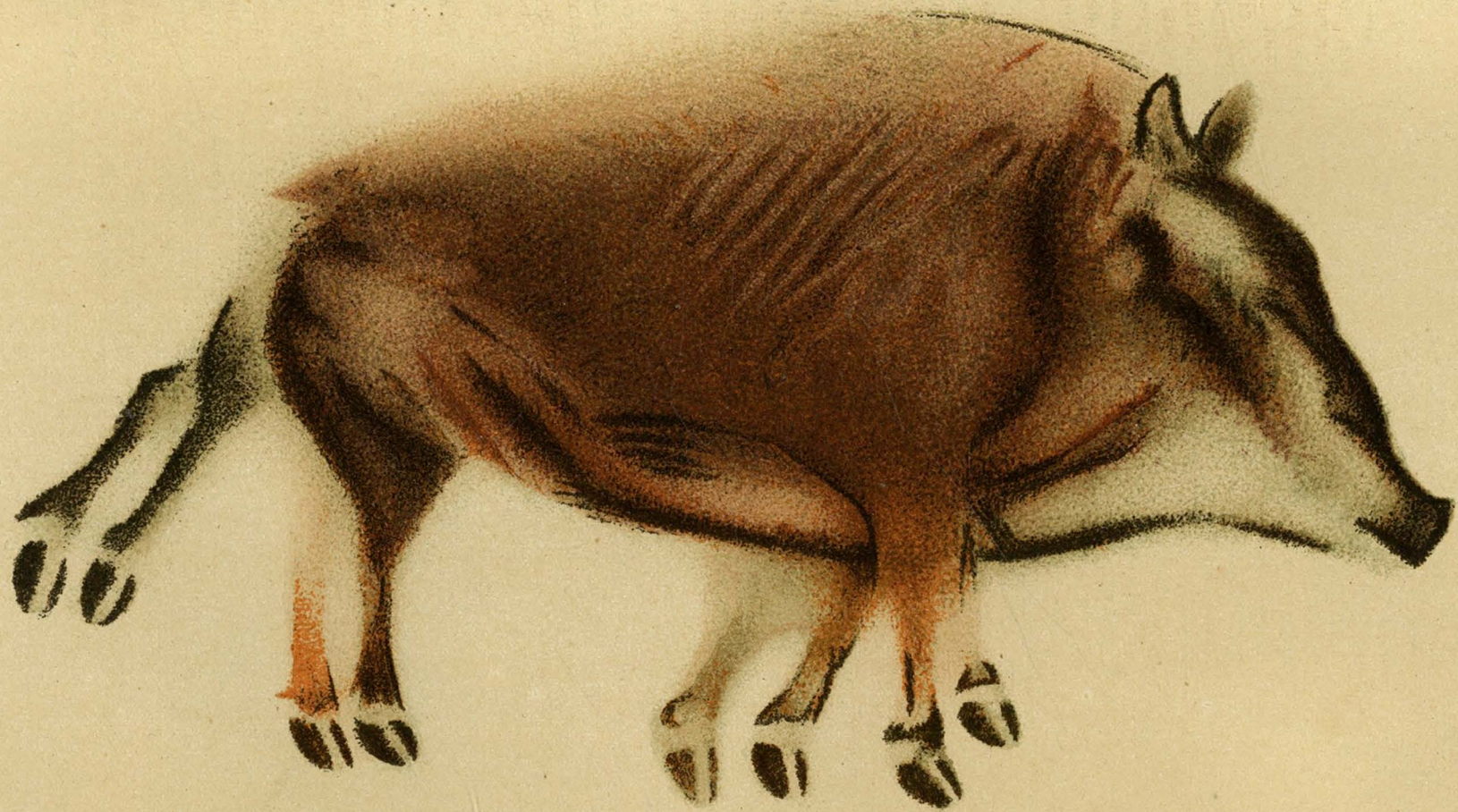
Отсюда, вместе с разграничением добрых и злых, доброго и злого действия этих сил, возникает стремление сохранить их расположение, не «рассердить», умиловить, привлечь на свою сторону. Возникает, таким образом, поклонение этим добрым и злым силам, их культ. Наиболее элементарным образом этот культ выражается в различных приношениях почитаемым силам, в жертве. Первоначально жертва вполне реальна, с течением времени она становится почти только символической. Значительную роль в культе играет магия. Новое значение приобретает и тотемизм: родовой тотем становится особым покровителем и защитником рода. Вся дальнейшая история религии представляет собой в основном развитие магии как культа и тотемизма как олицетворения покровительствующих человеку сил. Магия сплетается с тотемизмом, тотем приобретает культ.

Развивается новая форма религии — культ природы. Безличного и общего поклонения природе, однако, не существует. Это — поклонение отдельным ее элементам и силам, которые человек считает наиболее влиятельными или наиболее ему расположенными. Особое место, естественно, занимают в культе природы те ее элементы и силы, которые имеют наибольшее производственное значение. Отсюда преимущественное развитие и распространение получают культы земли, огня, солнца, воды,

Рисунок на скале. Вост. Испания

Кабан. Палеолитическая пещерная живопись.

деревьев, отдельных животных. Отсюда особые охотничьи, земледельческие, скотоводческие культы. Довольно широко распространён культ больших камней, в свою очередь олицетворяющих какие-либо силы природы. Проявлением этого культа являются относящиеся к неолиту и эпохе бронзы, встречающиеся и сейчас у ряда племен и народностей культовые сооружения из больших каменных глыб или плит, общим образом именуемые *мегалитами* (греч. *megas*, «большой», и *litos*, «камень»). Различаются три вида мегалитов: *кромлехи* (бретонск. *stum*, «кривой», и *lech*, «камень») — сооружения в виде поставленных вокруг камней; *менгиры* (бретонск. *maen*, «камень», и *hir*, «длинный») — высокие, достигающие иногда огромной, до 20 м, величины камни, одиночные или образующие аллеи в количестве до 1 тыс. камней; *долмены* (бретонск. *do1*, «стол», и *maen*, «камень») — сооружения в виде стола или домика из нескольких каменных плит. Все эти сооружения служили предметом и местом поклонения, а долмены, вероятно, — и местами погребения.

Рисунок на скале. Сбор дикого меда.
Вост. Испания

Дальнейшее развитие религии в форме культа природы совершается на основе развития анимизма. Начальное недифференцированное представление об оживленности, или одухотворенности, человека и всей природы раздваивается. Возникает представление о душе и теле, их раздельности и возможности самостоятельного существования души. Первоначально душа мыслится физически, ей приписывается материальная форма, она отождествляется с дыханием, тенью и пр. Душа имеет определенное местопребывание в теле: это — печень, сердце, глаза (отсюда: «глаза — зеркало души»). Душа считается вместилищем, воплощением жизни: прекратилось дыхание, ушла душа, прекратилась и жизнь. Сон — это временное оставление души тела. Человек видит во сне другого человека, находящегося далеко или умершего, — это являлась его душа. Развивается представление о переселении души, причем в связи с тотемизмом широкое распространение получает вера в переселение души умершего в тело животного.

Переплетая магию, тотемизм и культ природы, развивающаяся анимистическая религия наделяет душой все элементы, силы и явления природы как физические, так и бесплотные. Вместе с тем развивается представление о самостоятельном образе «душ» этих сил и явлений. Эти души превращаются в бесплотных «духов». Возникает обширный сонм таких «духов», представляющих всю природу. Таковы «духи» земли, леса, воды, гор, дома и пр. Воображение придает им человекообразный, антропоморфный, обычно фантастический облик. Стремясь приблизить к себе этих духов, человек создает для них материальную форму — вместилище, и верит, что в этих формах духи имеют свое пребывание. Таково происхождение идолов, или фетишей (от португальск. *fetico*, «сделанный»). Отсюда широко распространенная форма культа — поклонение и служение различным материальным вместилищам «духов» —

Австралийцы. Рисунок на скале

Бушмены.
Рисунки на скалах

фетишизм. Распространяется и культ отдельных мест, считающихся излюбленным местопребыванием определенных духов: рощ, полян, гор и пр.

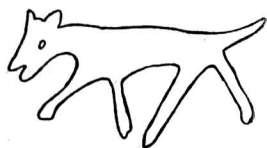
Развитие анимистических представлений преобразует отношение к смерти и покойнику. Начально смерть принимается за непробудный сон (отсюда: «уснул вечным сном») и вызывает заботу живущих о своем близком, «уснувшем». Но разложение трупа ставит первобытного человека перед проблемой, которую он не может разрешить, и самые ранние формы отношения к покойнику обнаруживают известного рода растерянность перед фактом происходящего уничтожения «спящего» человека. Отсюда крайнее разнообразие самых начальных и вместе с тем частично прочно удерживающихся форм обращения с покойником: его оставляют с каким-либо запасом пищи и необходимых вещей и кое-как прикрывают, зарывают в землю, укладывают на ветвях дерева или на помосте (так называемое воздушное погребение), сжигают, прокапчивают, сохраняют и носят с собой весь костяк или его части и т. д. С развитием анимизма отношение к покойнику усложняется: если тело разлагается и исчезает, то душа — нетленна, живет и требует о себе соответствующей заботы. Развивается идея загробной жизни. Жизнь эта первоначально мыслится все же как реальная — и физически, и духовно. Отсюда целый ряд погребальных церемоний, в частности, сооружение гроба в виде дома, прикрытие могилы камнем, чтобы покойник не вышел из могилы (таково вместе с культом камней происхождение надмогильного памятника). Начальное снабжение умершего пищей обращается в погребальную трапезу, славянскую тризну.

В дальнейшем смерть считается окончательным прекращением физического существования, но продолжением существования души. Это в свою очередь порождает ряд идей, церемоний и обрядов: идею подземного мира духов, бессмертия души, идею воздаяния душе, «поминки души», дальнейшее развитие идеи переселения и воплощения души, убеждение, что душа продолжает обитать в оставленных покойным личных вещах, может поселиться в каком-либо его материальном изображении и пр. В развитом родовом строе из этих представлений складывается сложный культ тех умерших членов рода, которые сыграли известную общественную роль, родовых глав, воинов, — *культ предков*. Культ этот имеет разнообразные формы, сливаясь с тотемизмом и культом природы. Материальным объектом данного культа служит изображение предка — идол, славянский «чур» или «шур», откуда «прашур». Предок является преимущественно покровителем и охранителем своих живущих родичей.

При матриархате религия развивается по линии культа природы, причем отдельные силы и элементы природы олицетворяются в женском облике и соответствующие духи носят женские имена. Особо выделяется на основе развития земледелия культ матери-земли, значительное место принадлежит культу луны. Наряду со своим хозяйственным и общественным положением женщина играет ведущую роль в культе. С переходом к патриархату женское начало в религии вытесняется мужским, женские духи превращаются в мужских. Женщины, перешедшие в семью мужа, сначала сохраняют свой культ, свои празднества, затем присоединяются к культу и религии своих мужей. С патриархатом на смену культа природы развивается культ предков.

Если мы от религии переходим к искусству, то отнюдь не потому, чтобы обе эти отрасли духовной культуры были непосредственно связаны в своем происхождении или содержании. В буржуазной науке, однако, имеет весьма распространенное хождение «теория», выводящая происхождение искусства из религии, в частности, из магии и тотемизма.

Вопрос о происхождении искусства в его различных формах и о сущности его ранних проявлений не лишен сложности. Однако, указанную буржуазную «теорию» следует решительно откинуть. Достаточно вспомнить, что, как мы это знаем по археологическим данным, и религия и искусство, в частности изобразительное искусство, возникают одновременно на стадии ориньяко-солютрейской культуры, или на этапе возникновения родового строя. Выводить искусство из религии значит предполагать предсуществование последней, значит относить религию к стадному периоду, причем в столь развитом уже виде, что она может вызвать новое сложное свое проявление на непосредственно следующем этапе. Не приходится говорить о том, что религия оказывает влияние на искусство, но это только потому, что вообще все формы идеологии тесно соприкасаются и влияют друг на друга, причем религия в особенности, обладая крайней активностью, ищет себе выражения и оказывает влияние как на иные формы идеологии, проникая в язык, мышление, науку и пр., так и на общественные отношения.

Еще одна теория, о которой стоит упомянуть, выводит искусство из якобы органически присущего человеку чувства красоты, эстетизма. На самом деле эстетическое чувство развивается в человеке лишь на известном этапе его духовного развития, на основе восприятия присущих природе совершенства, гармонии и красоты, лишь тогда, когда человек начинает воспроизво-

Бушмены.
Рисунки на скалах

Негры Гвинеи.
Статуэтка
(дерево)

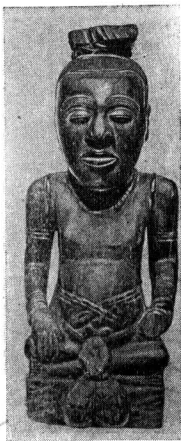
дить эти качества природы в созданиях своего труда и в разнообразных формах выражения своих чувствований, т. е. в различных формах уже возникшего искусства. Таким образом, эстетизм не является источником искусства, а искусство наряду с природой само воспитывает и развивает эстетическое чувство.

Вообще ни в коем случае не приходится выводить искусство из какого-либо другого идеологического явления, делать его надстройкой над надстройкой. Искусство имеет общий со всеми идеологическими явлениями источник.

Этим общим источником искусства во всех его видах является труд, трудовая деятельность человека. С развитием человека и человеческого общества, с усложнением идеологии этот начальный источник искусства, естественно, становится все более опосредствованным вновь возникающими формами деятельности и отношений человека. По своей сущности и своему содержанию искусство во всех его различных видах является не чем иным, как формой выражения восприятий, чувствований, настроения и мысли человека. Искусство, подобно языку, представляет собой лишь иного рода реальное выражение сознания, своего рода язык. Как язык, искусство не является самоцелью, не искусством для искусства, а возникает в коллективе из присущей человеку потребности общения, передачи своих мыслей и чувствований.

Первоначально содержание искусства, его сюжеты и мотивы целиком определяются, как и содержание языка, трудовой деятельностью человека в коллективе. С развитием общества сюда присоединяются во всем их многообразии и во всей их сложности восприятия, чувства, мысли и пр., связанные с личными переживаниями и общественными отношениями человека.

Естественно, что из различных видов искусства археологические памятники непосредственным образом сохранили следы только изобразительного искусства.

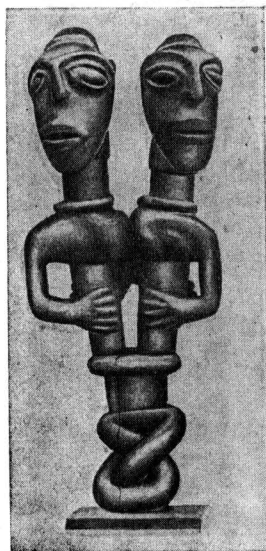
Негры бушонго.
Статуэтка вождя
(дерево)

Памятники нижнего палеолита (Шель, Ашель, Мустье) не обнаруживают никаких признаков существования изобразительного искусства. Зато вместе с тем скачком в развитии первобытного общества, который представлен ориньяко-солютрейской культурой, здесь сразу появляются все виды изобразительного искусства. Мы имеем здесь рисунок, представляющий собой весьма примитивное контурное изображение, вырезанное или высеченное на камне, кости или роге. Столь же примитивна живопись, ограничивающаяся также контурным изображением на скале, в черную или красную краску, нанесенным, вероятно, пальцем. Сюжетом служит преимущественно животное, чаще всего лошадь, затем лев, носорог, олень. Обычно дана только голова, редко — вся фигура. Стиль — строго реалистичен, что в особенности относится к рисунку. Условные изображения ориньяко-солютрейской эпохи представляют собой ряд точек или линий. Круглая скульптура данной эпохи представлена почти исключительно фи-

гурками женщины, высеченными из мягкого камня, известняка, мергеля, реже — из слоновой кости. Редко попадаются мужские фигурки и единичны фигурки животных. Женские фигурки исполнены в реалистической манере, однако туловище иногда вытянуто и сильно подчеркнуты признаки пола. Руки — условны, лицо отсутствует. Изредка фигурка дана в сидячей позе. Обычная высота этих скульптур — пять-десять сантиметров, редко больше пятнадцати. Замечательный образец таких фигурок, найденный в Виллендорфе, в Австрии, был прозван «Виллендорфской Венерой». Сходный характер рельефные изображения женщины на скалах размером до $\frac{1}{2}$ м.

Вслед за этими первыми, но уже достаточно уверенными шагами, мадленская культура дает картину замечательного расцвета изобразительного искусства. Правда, скульптура встречается здесь гораздо реже, причем женские фигурки почти совершенно исчезают, попадаются лишь изображения головы животного. Зато рисунок достигает поистине замечательного совершенства. Встречаются, конечно, и менее удачные вещи. Сюжетом и здесь в подавляющем большинстве случаев являются крупные животные — главный объект охоты того времени: бизон, олень, лошадь, реже мамонт, носорог и еще реже — хищники. И здесь животные изображаются обычно в одиночку, композиции очень немногочисленны, иногда группа животных дается путем повторения одной детали, например, стадо оленей изображается в виде ряда ветвящихся рогов. Встречаются рисунки рыбы: лосося, щуки, карпа, головля и др., изредка — птицы. Весьма редки изображения человека, причем эти рисунки всегда менее реалистичны и менее удачны. Столь же редки изображения растений. Особое место в мадленском рисунке занимают изображения, представляющие полулюдей-полуживотных, о толковании которых мы поговорим ниже.

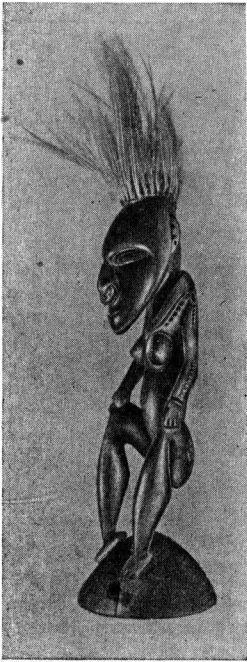
Неизмеримо выше по сравнению с ориньяко-солютрейским искусством стоит и живопись Мадлена. Это, обычно, высеченный на скале контур, расписанный красками, красной, черной, белой и желтой, причем красная преобладает. Краски эти, как показали исследования, — минеральные, смешанные с жиром или костяным мозгом. На стоянках нередко встречаются очевидно заготовленные краски в растертом и смешанном виде, найден даже флакон из кости с сохранившимся порошком красной охры. Сюжетом мадленской живописи служат почти исключительно крупные травоядные животные, в особенности бизон и олень, редко — хищники. Размеры изображений обычно довольно велики, доходя до $2\frac{1}{2}$ м. Судя по тому, что мадленские изображения находятся преимущественно в глубине пещер, надо думать, что работа производилась при искусственном освещении теми жировыми лампами, которые находят на стоянках данной

Негры Слонового берега.
Сыннеба и земли (дерево)

Негры Зап. Африки.
Фетиш (дерево)

Меланезия (Н. Гвинея). Статуэтка (дерево)

культуры. Некоторые пещеры представляют собой целые собрания палеолитической живописи.

Как рисунок, так и живопись Мадлена отличаются замечательным реализмом, обнаруживая нередко великолепное знание природы. Оставаясь по большей части контурным и лишь иногда покрытый штриховкой, мадленский рисунок замечательно экспрессивен. В противоположность неподвижности предшествующей эпохи, натура в мадленском рисунке полна движения, отлично переданы различные позы, особенно удачно — поворот головы. Не лишен мадленский рисунок и перспективы. Живопись прекрасно передает объем, причем пластичность достигается путем распределения светлых и темных тонов, иногда дается красочный фон. На смену неполному изображению природы в предшествующую эпоху, в Мадлене как рисунку, так и живописи дают животное преимущественно всей фигурой, но попрежнему всегда в одиночку.

Наконец, значительно выше стоит в Мадлене и условный рисунок. Мы встречаем здесь уже либо стилизованное изображение животного, либо свободный орнаментальный мотив, нанесенный на какое-либо орудие. На ряде образцов рисунка данной эпохи прослеживается переход от реалистического изображения к стилизации и орнаменту.

Произведения ориньяко-солотрейского и мадленского изобразительного искусства встречаются везде, где мы находим памятники этих культур. Прекрасные образцы скульптуры дали памятники, найденные на территории СССР: Кирилловская стоянка, Мезин, Гагарино, Костенки, Боршево и Тимоновская, Мальта и др. Надо, однако, признать, что наиболее совершенные образцы рисунка и живописи дают стоянки Франции и Испании.

Особое место по сюжету и манере занимает рисунок так называемой капсийской культуры (от стоянки Гафса-Кауса в Тунисе). Культура эта, соответствующая европейским культурам верхнего палеолита и мезолита, распространена в юго-восточной Испании, отчасти в Италии, в Северной Африке, Малой Азии, отчасти на Кавказе. Изобразительное искусство данной культуры представлено главным образом силуэтным — в черную и красную краску, рисунком на скалах, но не в пещерах, а в открытых местах. Размер обычно небольшой. Крупнейшее достижение капсийского искусства — переход от изображения одиночных фигур к композиции, иногда довольно сложной. Это — бытовые картины, сцены охоты, военные эпизоды. Капсийский рисунок чрезвычайно экспрессивен. Изображение в основе реалистично, но стремление передать движение ведет к условности.

Негры Конго.
«Трон» вождя (дерево)

Зато изобразительное искусство европейского мезолита, т. е. азильской и тарденуазской культур, крайне бедно. Тарденуа не дает никаких произведений искусства, а почти единственными образцами искусства Азии являются раскрашенные гальки, на которых красной охрой нанесены условные рисунки или знаки.

В новом направлении развивается изобразительное искусство неолита. Лишь некоторые петроглифы (скальные изображения) дают более или менее реалистические, чаще весьма условные изображения животных и людей. В основном же неолитическое искусство идет по линии декоративной, давая здесь зато обилие разнообразных форм. Широко развивается орнамент, покрывающий посуду, утварь, оружие и пр. Декоративный же характер носит скульптура и рельеф. Менгиры, принимая форму изображений человека, дают начало статуе. Особую форму менгиров представляют собой так называемые «каменные бабы».

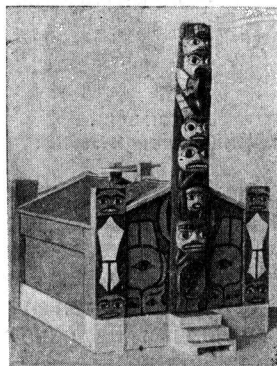
Если мы обратимся теперь к этнографическому материалу, то и здесь встретимся преимущественно с декоративным направлением в изобразительном искусстве, дающем крайнее разнообразие форм и достигающем нередко большой высоты. Что касается рисунка и живописи, то хотя многие народности обнаруживают в этом отношении замечательные способности, за одним исключением мы все же не находим здесь ничего равного или подобного искусству Мадлена и Капсы. Исключение это составляют контурные рисунки и живопись ныне уже вымерших бушменов. Мы видим здесь изображения на скалах и в пещерах, сюжетом которых служат животные, птицы, люди, как в одиночку, так и группами. Natura дается в профиль, большей частью в движении. Нередки композиции — сцены охоты, военные эпизоды, культовые церемонии. Как в Мадлене, и здесь встречаются изображения человека с головой животного. Бушменская живопись отличается от мадленской тем, что здесь контур раскрашен по поверхности преимущественно произвольно, в два-три цвета, красной, белой, желтой или черной краской. Для раскрашивания бушмены пользовались кистями и каменной палитрой. Изображения отличаются замечательным реализмом, точностью, прекрасной передачей пропорций, экспрессией. Конечно, и здесь не все вещи одинаковы по своему художественному уровню.

Широко распространена в этнографическом мире скульптура, круглая и рельеф. Большой частью она тесно связана с религией и культом, преимущественно довольно примитивна. Но и здесь мы встречаемся с произведениями и реалистическими, и сугубо стилизованными или фантастическими, при всем своем своеобразии, при всей своей «экзотичности», замечательными по художественному совершенству и вкусу. Такова в особенности круглая скульптура из дерева негров запада Африки и меланезийцев и декоративный рельеф полинезийцев и индейцев северо-запада Северной Америки, хайдов, тлинкитов и др.

Особой областью проявления изобразительного искусства являются маски. Происхождение масок относится, повидимому, к весьма архаическому прошлому: их знают уже весьма отсталые племена. Вместе с тем маска имеет различные истоки: и маскирование под зверя как прием охоты, о чем мы говорили, и одна из форм тотемистических процедур, и способ устрашения врага. Маски многих племен и народно-

Хайды. Резные деревянные колонны

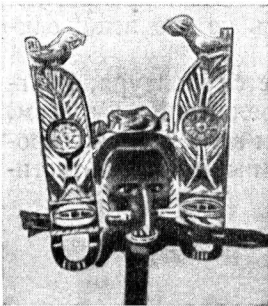
Модель дома хайдов

Хайды. Деревянное блюдо

Тлингиты. Деревянная танцевальная маска

Меланезия.
Танцевальная маска

стей представляют собой нередко замечательные произведения скульптуры и живописи и при всей своей гротескности являются выдающимися образцами изобразительного искусства.

Археологический и этнографический материал, освещающий ранние проявления изобразительного искусства, оставляет немало пробелов и ставит ряд серьезнейших вопросов. Надо прямо сказать, что и неполнота материала, и неисследованность этих вопросов заставляют многие из них оставить открытыми. Мы лишь еще раз вернемся к вопросу о связи первобытного искусства с религией. Как уже было сказано, религия проникает и в область искусства. Нет поэтому ничего неожиданного в том, что отдельные произведения первобытного искусства носят на себе печать религии, а иногда и всецело ею обусловлены. Влияние религии сказывается в особенности на более поздних этапах развития первобытного искусства, в частности, в скульптуре и в орнаменте. Нельзя, однако, везде находить эту обусловленность искусства религией. В палеолитической живописи встречаются — кстати сказать довольно редко — изображения животного с воткнувшимися в него стрелами. Эти изображения — излюбленный и ставший трафаретным аргумент религиозной теории искусства. Говорят, что мы имеем здесь магический прием: путем такого изображения художник имел в виду обеспечить себе удачу в охоте. Но вряд ли можно оспорить и иное толкование данного рисунка, а именно, как вполне реалистическое изображение зверя с попавшими в него стрелами. Столь же часто приводится и другое доказательство. Изображения полуживотных-полулюдей, встречающиеся в палеолитических памятниках и в живописи бушменов, толкуются как изображения колдунов. Но и здесь можно видеть вполне реалистические изображения особого приема с маскировкой под зверя, — приема, широко практикуемого многими племенами, в том числе теми же бушменами. Обратимся теперь к другой обширной области искусства — музыке.

Музыка знает две формы: вокальную, или песенную, и инструментальную. Немецкий ученый конца прошлого века Бюхер выступил с теорией происхождения музыки из процесса труда.

Исходя из распространенного явления, по которому человек имеет обыкновение сопровождать свою работу песней, Бюхер утверждал, что песня возникает в тесной связи с ритмическими рабочими движениями человека и рабочими шумами. Отсюда же Бюхер вел происхождение и инструментальной музыки, причем даже самые музыкальные инструменты он выводил из рабочих орудий, например, барабан — из ступки. Эта конструкция немецкого ученого крайне односторонняя. Вопрос о возникновении музыки решается так же, как и вопрос о происхождении искусства вообще, иначе говоря, источником музыки является в конечном

счете труд, трудовая деятельность человека. Это, однако, не значит, что музыка возникает всецело из рабочих ритмов и шумов. Бюхер прав лишь в одном, — в том, что отдельные виды ритма в музыке возникли из ритмов трудовых процессов.

Если мы сближали возникновение искусства с возникновением речи, то это в особенности относится к песне, которая представляет собой не что иное, как ритмованную речь, и ее простейшей формой является речитатив. Действительно, основное в первобытной песне — ритм, поэтому текст в наиболее примитивной песне представляет собой нередко повторение одного возгласа или слова. Вокальная музыка первобытной эпохи и ограничивается этой простейшей формой, состоящей из ритма и речитатива. Мелодия возникает значительно позднее.

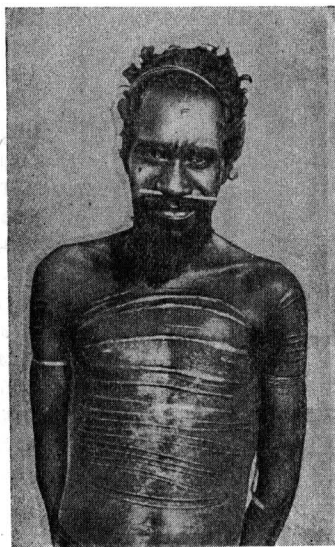
Инструментальная музыка остается в первобытную эпоху сравнительно мало развитой. Это тесно связано, с одной стороны, с неразвитостью мелодии, с другой, с низким уровнем развития техники вообще и отсюда — техники создания музыкальных инструментов. Но уже в первобытности возникли все основные виды музыкального инструмента: ударный, духовой, струнный (смычковый и щипковый). Все эти виды инструмента и множество их первобытных разновидностей остаются все же крайне примитивными. Было высказано предположение, что тетива лука явилась первым щипковым инструментом. Но им могли быть и до изобретения лука натянутое сухожилие или какая-нибудь сплетенная веревка. Обыкновенный кусок сухого дерева, а тем более полый ствол, например, ствол бамбука, явился первым ударным, а тот же бамбук или полый рог — первым духовым инструментом. Сравнительно рано возник барабан самых разнообразных типов. Большое место занимали различные трещотки. Отметим связь ударных инструментов с языком сигналов, о котором мы говорили выше.

Археологические памятники могут, естественно, очень мало сказать о первобытной музыке и музыкальных инструментах. В памятниках верхнего палеолита находят трубчатые кости с боковыми отверстиями, которые истолковываются как флейты и свистки. Впрочем, иные археологи считают эти предметы пеналами для иглолок.

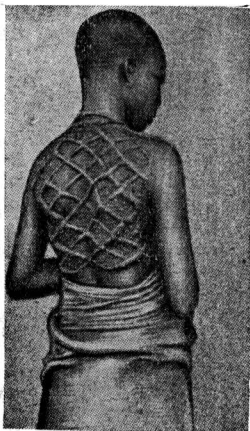
Различные взгляды и даже «теории» сопровождают нас и когда мы обращаемся к вопросу о происхождении *танца*. Но и здесь мы имеем все тот же источник искусства — трудовую деятельность человека. Вместе с тем уже самый ранний танец имеет различное содержание. Нет сомнения, что примитивный танец имеет часто гимнастический характер: вечером, отдохнув от утомления трудового дня, первобытный че-

Нов. Зеландия.
Татуированный вождь

Австралиец с рубцами
на теле

Негритянка с татуировкой спины

Негритянка с татуировкой спины

Негр с ушными украшениями из железных колец

ловец испытывает естественную физиологическую потребность размять свои члены, в пластических формах передать свои настроения и впечатления, дать пластическое выражение своему чувству сытости, довольства и своей первобытной радости бытия. Физкультурно-тренировочный или своего рода эмоционально-возбудительный характер имеют широко распространенные в этнографическом мире охотничьи и военные танцы, исполняемые перед отправлением на охоту или в поход. Наконец, вне сомнения связь первобытного танца с магией и тотемизмом. Танец тесно связан с музыкой, песенной и инструментальной. На языке многих племен танец и песня обозначаются одним и тем же словом. Мы имеем среди мадленских рисунков изображение человека в танцевальном костюме и танцевальной позе. Значит, человек танцевал уже в верхнем палеолите!

В примитивном танце — зарождение еще одного вида искусства: драмы. Действительно, танец отсталых племен имеет иногда чисто изобразительное содержание и пантомима является, видимо, самой ранней формой драматического искусства. Группе австралийцев довелось впервые увидеть поезд, и они в тот же вечер устроили «корробори» с танцем, содержанием которого было изображение движущегося поезда. Кстати сказать, наблюдатели много раз отмечали замечательную способность отсталых племен к всевозможному подражанию. Параллельно с самостоятельным развитием отдельных из сейчас рассматриваемых видов искусства сохраняется и развивается тесная связь музыки, танца и драмы. Распространенные у многих народностей песни, описывающие весь земледельческий процесс, от сева до сбора урожая, сопровождаются инструментальной музыкой, причем одновременно танец представляет собой драматизированное изображение того же процесса.

Характерную черту первобытного человека составляет манера облекать свои более значительные акты особой внешней формой, — своеобразный церемониализм. Отсюда церемонии приветствий, особые церемонии, соблюдаемые первобытным человеком, когда он подходит к чужому становищу или чужому дому и пр. В церемониях, сопровождающих какие-либо особые акты, выражается стремление запечатлеть данный акт в памяти. Во все эти церемонии необходимым элементом входит свойственная первобытному человеку склонность драматизировать свои действия, в свою очередь — форма выражения соответствующих чувств. Существенный элемент различных обрядов и церемоний составляет предмет-символ или символическое действие. Таковы — совместное принятие пищи, совместное

питье или куренье, пожатие руки, обмен подарками, платьем или оружием, смещение крови и пр., сопровождающие заключение дружеских связей. Разнообразные символические акты, обряды и церемонии сопровождают и многообразные иные отношения первобытного человека. Сюда, например, относятся различные формы траура, выражающегося в costume, в некоторых правилах поведения. Символы тесно связаны и с языком сигналов. Такова, например, посылка определенных предметов чужому племени для объявления войны или предложения мира.

К глубокой первобытности относится и *празднество*. Как мы знаем, нечто вроде празднеств устраивали уже тасманийцы, и очень широко практикуются такие «корробо́ри» у австралийцев. Универсально распространены празднества по всему этнографическому миру, отличаясь бесконечным разнообразием формы и содержания. В оформлении этих празднеств мы находим соединение музыки и танца, проявление сказанного примитивного церемониализма и, наконец, своеобразное выражение примитивной драматургии. Празднества со входящими сюда обрядами и церемониями устраиваются по поводу самых различных обстоятельств, событий и актов: созревания плодов, урожая, рождения ребенка, удачного окончания какого-либо предприятия, охоты, военного похода и т. д. Таким же празднеством является и свадьба, о которой мы уже говорили.

Все эти обряды, церемонии и празднества имеют чисто, так сказать, светский характер, но, используя все возможные пути и формы своего утверждения, религия активно проникает во многие из них. С другой стороны, религия и сама особенно широко усваивает этот примитивный церемониализм.

Мы вновь встречаемся с разнообразными «теориями», когда обращаемся к вопросу о происхождении и существовании *украшений*. Вопрос, действительно, не лишен сложности. Многие виды украшений имеют различное происхождение, значение и содержание, часто переплетающиеся. Надо прежде всего различать украшение, которое наносится на самое тело человека, а именно раскраску и татуировку, причем сюда же относится и прическа, и украшение в виде какого-либо предмета, надеваемого, навешиваемого или привязываемого к телу, иногда вместе с некоторым увечием тела. Возникают украшения очень рано. Мы видим навесные украшения уже у гримальдийца, знали их, равно как и раскрашивание тела, тасманийцы. Возможно, что куски охры, находимые на стоянках верхнего палеолита, говорят о раскрашивании тела человеком той эпохи. У всех современных племен и народностей различные виды украшений распространены самым широким образом. Все виды украшений могут иметь сложное значение. Раскраска тела связана с защитой кожного покрова; связана она и с тотемизмом, представляя собой иногда подрисовку под тотемное животное. Входят сюда и элементы магии, а когда это делается в приготовлениях к военному походу — расчет на устрашающее впечатление. Столь же сложна по своему значению *татуировка* (от таитянского *tatu*, «знак»). Иногда прослеживается близость татуировки к тем рубцам, которые остаются на теле юношей после различных испытаний на выносливость во время инициаций. Но вне сомнения и иное содержание татуировки: тотемические родовые знаки, магические приемы, общественное положение и пр. Наконец, татуировка может попросту являться украшением тела.

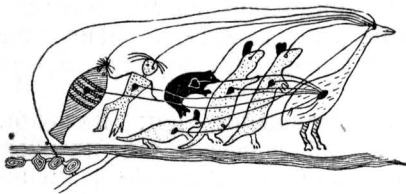
Нам кажутся дикими и нелепыми такие украшения, как палочки, проткнутые через перегородку носа или губы, либо дощечки, укрепленные под нижней губой, так называемые *ботоки* (откуда название южноамериканского племени — ботокуды). Но непосредственным пережитком этих дикарств являются серьги, так прочно сохраняющиеся и в современном обществе.

Трудно описать все разнообразие навесных украшений, в которых в свою очередь отражаются различные моменты: и чисто эстетические, и религиозные, магические и тотемические, и общественное положение. Сюда же относится ношение охотничьих и военных трофеев — зуба убитого животного, скальпа или даже черепа врага. Различие общественного положения незамужней и замужней женщины также находит себе выражение в соответствующих украшениях. Иногда украшения бывают необыкновенно обильны. Невеста у одного из негрских племен Западной Африки так нагружается железными украшениями, что не может двигаться без посторонней помощи. Специфически развиваются и имеют особое значение украшения воинов и вождей. В своем развитии навесные украшения сами покрываются украшением — орнаментом, резьбой, инкрустацией, и становятся произведениями искусства.

Широко развивается в первобытности устное народное творчество, фольклор (англ. folk, «народ», lore, «творчество»). Наиболее ранним его видом является легенда о прошлом, миф. Выделяясь из мифа, развивается сказка. Более поздними видами фольклора являются песня, эпос, загадка и пословица. Уже очень рано человек задается мыслью о прошлом, о том, откуда и как произошло все существующее. В этом примитивном обращении к прошлому — некий зачаток истории. Содержание этих представлений о прошлом, конечно, до крайности фантастично. Начальный миф глубоко проникнут тотемизмом. Основная его тема — возникновение человека и неотделимых от него в первобытном сознании животных. Более поздней темой является происхождение земли и мира в целом. По крайней мере, у австралийцев и индейцев Южной Америки имеются мифы о происхождении человека, но мифов о происхождении земли и вселенной не обнаружено.

Наиболее примитивный вариант мифа о происхождении человека сводится в чисто тотемистическом духе к тому, что люди данного племени тем или иным фантастически изображаемым путем произошли от того или иного животного, явления природы и пр. Более поздним элементом этого мифа является мотив сотворения человека каким-либо тотемическим существом из земли, глины и пр. по образу и подобию тотема. В оформлении, отражающем матриархат, тотемический создатель принимает образ «бабушки», «матери матерей». Миф придает этой «бабушке» двоих детей: брата и сестру, являющихся одновременно мужем и женой. Они являются первой человеческой парой. Отражая патриархальные отношения, последующая редакция этого мифа заменяет брата и сестру двумя братьями. Широко распространенное мифологическое истолкование этих двух братьев наделяет их чертами «героев», создателей различных элементов культуры. Любопытным образом в этой же начальной паре людей — брате и сестре или двух братьях — отражается древнейшая форма общественной структуры — дуальная организация. Первобытный миф оказывается не чуждым и примитивной идеи эволюции — не создания, а превращения одного животного в другое, в конечном счете — в человека.

Пиктография. Петиция, поданная индейцами-делаварами президенту США в 1849 г.

Тема о возникновении земли и вселенной в разработке мифологией различных племен и народностей содержит все хорошо знакомые черты библейского мифа: в качестве начальных элементов здесь фигурируют вода, небо, тьма или хаос, человек возникает или создается из земли или глины. Широко распространен мотив «рая» и «древа жизни». Например, миф негрского племени бакоко

в Камеруне рассказывает, что «вначале» люди были счастливы, не знали ни страданий, ни смерти. Когда они старились, то достаточно было им провести девять дней возле маленького дерева «синге», чтобы снова обрести юность и начать новую жизнь. Столь же широко распространен мотив о начальном несовершенстве человека, его «первородном грехе», «падении», причем человечество переделывается или исправляется путем какого-либо стихийного явления, потопа, пожара.

Сказка, храня тотемистические черты, развивается как нравоучительный рассказ об обычаях и повадках зверей, о различных фантастических существах и пр.

Текст первобытной песни остается весьма примитивным, имея разнообразное содержание: чисто трудовое, охотничье, военное, любовное. Первоначально простой и нехитрый, текст этот становится более содержательным, облекается более строгой формой, размером; связанный с музыкой, он приобретает и сам музыкальные черты. Отсюда — начало поэзии, происхождение которой, таким образом, прямо восходит к песне.

Наконец, пословица представляет собой сгусток народной мудрости, часто отличаясь замечательной глубиной и выразительностью. Как хороши, например, следующие пословицы одного из негрских племен: «В старости согреваешься дровами, которые собраны в юности», «Из-под каждой крыши выходит дым», «Если ты ночью говоришь, что ты красив, помни, что тебя увидят днем».

Первобытность не знает письменности, но еще в самые отдаленные времена возникает первая форма письменного сообщения или записи. Это — *пиктография* (лат. *pictus*, «нарисованный», и греч. *graphein*, «писать»), образное или изобразительное письмо. Пиктография, таким образом, тесно связана с рисунком. Известные формы пиктографии можно видеть и в отдельных видах языка сигналов. Пиктография развилась у многих племен и народностей, в особенности меланезийцев, североамериканских индейцев, народностей Сибири. В развитом виде пиктографическое письмо состоит из отдельных рисунков или связной композиции, представляющих реалистически или условно предметы, действия и события. Пиктографические изображения имеют иногда сложное повествовательное содержание, дают хронику событий, рассказывают о героических подвигах предков. Наносится пиктография на кору, бересту, камень, кость, кожу. Пиктографический характер имеет иногда и татуировка.

